Babr24.com

Автор: Артур Скальский © Новая газета КУЛЬТУРА, 10158 29.07.2010, 11:13 582

Валентин Распутин: новая русская правда

Примечание. Сейчас люди так мало читают и так позабыли историю, что, наверно, не лишне объяснить: Валентин Григорьевич Распутин никакого отношения к Гришке Распутину не имеет.

Мы все забудем, все с тобой забудем,
Когда с аэродрома улетим
Из города, где ресторан «Распутин»,
В край, где живет Распутин Валентин.
Андрей Вознесенский

(Там дальше еще были строки: «Завидую тебе, орел двуглавый, тебе всегда есть с кем поговорить»; они к делу не относятся, но уж больно красивы, и потому я их не могу не привести тут. — И.С.)

Я впервые увидел его живьем так.

Однажды, в самом начале нулевых, великий Распутин приехал в издательство «Вагриус», там как раз вышел его сборник. Офис тогда еще — до всех переездов — располагался на Троицкой, во дворах между Садовым и Олимпийским, в прямо-таки сельском срубе, который как на заказ построили для визитов писателей-»деревенщиков». Они туда и ездили охотно, да вот хоть тот же Распутин. А как переехал «Вагриус», сперва на улицу «Правды» — заметим, что слово это пишется в кавычках, — а после и в библиотеку иностранной литературы напротив «Иллюзиона», так не очень туда заворачивают «деревенщики»… (Да и я раньше чаще бывал в этом издательстве, в те времена, когда там выходили мои книжки.)

Слово за слово, поздравили, отметили, выпили водки демократично из пластиковых стаканчиков, я посмотрел на классика вблизи и перекинулся с ним парой слов, приобщился.

Я смотрел на Валентина Григорьевича, конечно, откровенно снизу вверх. Он реально был для меня тогда крепким авторитетом. Я прекрасно помнил и держал в памяти энергетику его старых книг про дезертира и про деревенских, которые приехали на родину хоронить свою старуху, а она вдруг возьми да оживи. Про затопленные заради прогресса и, как выяснилось, Абрамовича и братьев Черных русские земли (это открылось Распутину) — это про Братскую ГЭС, которая строилась для снабжения алюминиевых заводов жирными киловаттами. Я замечательно помнил про воздействие на меня тех книг, и в первую голову, конечно, про дезертира.

Дал бы мне кто сейчас почитать таких книг, чтоб я вот с той же интенсивностью чесал репу! Все ж таки среди книжной дресни, которую на нас вываливала при Советах тогдашняя правящая партия, среди скучных тем и мертвых идей, которыми тогдашний какой-нибудь хитроумный Сурков или унылый аналог Грызлова намеревались нас развлечь, а мы только казали им кукиш в кармане, — Распутин был полноценным сверкающим алмазом.

И я, конечно, глядел на титана во все глаза и ловил его слова, что бы он ни говорил.

Ну и что ж изменилось с тех пор? Ведь все как было, так и осталось! Распутин жив, пишет, я все так же охоч до хороших книжек — так почему я про этот пиетет в прошедшем времени? Не из-за переезда же «Вагриуса»? Пожалуй, нет… Наверно, дело в другом. Где-то ближе к середине первого путинского срока я стал замечать, как мельчает все кругом. Люди вокруг становятся все менее масштабными. Политики — все менее похожи на государственных деятелей. Интересы публики — мелкие, все больше хозяйственные. Застой, что-то в этом роде. Конечно же, он, как и всегда, коснулся литературы, а пуще того, отношения к ней. Писатель уж более не жрец и не носитель истин(ы), а такой же непутевый разночинец, как и репортер, только что пишет меньше и беспорядочней да зарабатывает обыкновенно помене. Ну и кто ж его будет слушать, открыв рот? Бедных не слушают, как заметил кто-то из великих. К тому же в стране появилась новая околожреческая каста — телеведущие. Вот они теперь и властвуют над думами, над бедными русскими умами. Там теперь слава и

деньги, и мода, и ответы на, pardon, духовные запросы, так сказать, современности. Оттуда, с «ящика», даже Солженицына при жизни ссадили, а уж про Распутина (в смысле Валентина) и говорить нечего.

Короче, тяга советских и постсоветских образованцев к литературе ослабла, а вера в возможность легкого прижизненного нахождения истины сделалась весьма нетвердой. К тому ж мы за это время увидели, что богоносец как-то уж слишком рьяно требует твердой руки и страстно любит чекистов, и всех соседей вокруг как-то он стал немножко ненавидеть, вплоть до того, что один не последний у нас писатель сообщил мне о своем открытии: «Народ — говно». Смело, резко, даже ужасно в какой-то мере — идите с ним поспорьте. Народ наш, может, и прекрасен, но хорошего уж не ждешь от него, когда у него в башке собачья чушь из телевизора. И на писательские головы, безусловно, падает какая-то часть вины народа — в смысле простой публики перед публикой «чистой», в смысле которая на работу ходит «в чистом». Народ поддался, кажется, всем дешевым и постыдным соблазнам, какие только на нас могли свалиться и таки, увы, свалились. То есть искатели истины потерпели поражение. Оказались неконкурентоспособными.

Так что уж не жжет глаголом сердца людей В.Г. Распутин, да и вообще, как говорят «падонки», «не жжот».

Но тогда! Тогда! Все было иначе.

Взять хоть 89-й год, когда ВГ взорвал бомбу на Съезде народных депутатов. Он тогда, как все помнят, предложил, чтобы Россия вышла из состава Советского Союза. И пусть, значит, союзные республики, раз они такие умные, живут своим умом, хватит доить Россию!

Я, как уже сказано, смотрел на писателя во все глаза и мучился вопросом: а отчего ж он не пишет романов и повестей? почему ж ушел он в публицистику из большой литературы?

Ну, наверно, это не только мой вопрос, он многих терзал в те времена, когда еще такие абстрактные вещи вообще могли кого-то беспокоить. На вопрос можно смотреть шире, можно вообще спросить: а где, к примеру, Василий Белов, который весьма звонко звучал, как мы помним? Где Крупин, бородатый, будто пророк, с попыткой и интонации соответствующие вызвать к жизни? Лихоносов, наконец, стилист удивительной тонкости? Где… э-э-э нет, те уже умерли, кажется. Живые и мертвые — все они молчат одинаково громко.

— Да такие важные проблемы стоят перед народом, что надо писать именно публицистику! — отвечал он мне уверенно.

— Ну, знаете, Валентин Григорьевич, публицистов и без вас много, а вот повесть за вас не напишет никто.

Мне казались его повести страшно нужными тогда. Необходимыми, как воздух. Может, я и был прав тогда-то. Он, однако, отвечал, все с той же уверенность в голосе, как теперь понятно, я был неоригинален и его достали уже этим идиотским вопросом, я тут цитирую по памяти, могу в словах ошибаться, но смысл точный:

— В дни, когда страна в опасности, нельзя писать повести! Надо все бросить и уходить в журналистику.

— Это к нам, что ли? Зря вы это задумали, — высказывал я свое мнение, которого он не спрашивал и в советах моих, как мы понимаем, он никогда не нуждался. Жил как-то без меня и дальше, может, еще лет 30 проживет, дай бог ему здоровья.

Вот в таком приблизительно духе вели мы беседу. Которая стала подходить к концу, потому что ему пора уж стало ехать, да вот беда — машины не было. Должна была машина какая-то прийти, но где-то застряла. Вот мне и нашлось дело, выдался случай помочь писателю земли русской:

— Так давайте я вас подвезу! У меня машина внизу…

В отличие от Никиты Михалкова, которого я когда-то — на вручении «Оскаров» то ли в 1994-м, то ли в 1995-м точно так же вызвался подвезти в Калифорнии, от кинотеатра, где он показывал эмигрантам документалку про свою младшую дочь, продав ностальгическим старикам 20-долларовые билеты, а он непонятно почему отказался, — Валентин Григорьевич любезно согласился; ну а почему нет, в самом деле?

Спустились мы, сели в машину… Наверно, это было концептуальное зрелище: я везу писателя-»деревенщика» от издательской избы на своем автомобиле «Нива» (!).

Поехали мы в центр. Там у писателя была (да, наверно, и есть) квартира в чудесном кирпичном доме, в двенадцать, кажется, этажей — такие в старые времена доставались счастливчикам — цековским аппаратчикам и прочим небожителям.

Это его зимняя база.

Тогда там жила, царствие ей небесное, его дочь Маша. Маша Распутина.

Какая суровая, просто черная, ирония — ее, дочку знаменитого «нравственника» (термин Солженицына), звали в точности, как разудалую попсовую певицу, словно в какую-то злую насмешку.

В пути, в московских пробках, которые в начале нулевых были вовсе не страшными, мы продолжали разговор. Распутин давал мне советы — как вести дела с издателями. Я, само собой, попытался договориться насчет интервью, а то как же!

— Интервью? Нет, не могу сейчас. Нет столько свободного времени. У меня все расписано, и недели на интервью нету.

— Как недели? В полтора часа уложимся.

— Что значит — в полтора?

— За 1 час 30 минут я успею задать все вопросы.

— Ну, это вы успеете. Но мне ж потом надо садиться и заново все переделывать. Вписывать мысли, идеи…

— А, вот как…

Ну мне, в общем, стало ясно, что вместо интервью получился бы манифест, к которому я бы имел едва заметное отношение, так что и незачем лезть под руку. Пускай классик сам пишет свои манифесты и обращения к гражданам России. Он их и так уж написал немало (вам наверняка попадались), но, как ему кажется, недостаточно.

И вот теперь приходится мне писать о Распутине своими словами, ну, конечно, с цитированием его многочисленных манифестов. И чужих о нем слов, которых тоже немало сказано — и друзьями, и поклонниками, и недругами. И, как ни странно, трезвыми литературными критиками, которые, как это ни удивительно, не перевелись еще на нашей почве в эпоху оскудения умов.

CV

Для начала надо коротко окинуть глазом жизненный путь писателя.

Он появился на свет в мощном по рождениям 1937 году (15 марта, в один день с Маканиным, в один год с Вампиловым, Юнной Мориц, Ахмадулиной и Аверинцевым). Тогда в СССР как раз был заметный всплеск рождаемости — вот что значит сталинский указ о запрещении абортов летом 1936 года! Наблюдение это не мое, избави бог, — но Андрея Битова, который родился как раз в тот самый год.

Кстати, есть мнение, что «деревенщики» больше ненавидели советскую власть, чем городские диссиденты, поскольку они все, так или иначе, были из семей раскулаченных. Это мне Битов подсказал.

Место рождения ВГ — поселок Усть-Уда, Иркутской области. Видите, какая незадача — «деревенщик» родился вовсе не в деревне. Но детство он все-таки провел в настоящей деревне с названием Аталанка, где была только начальная школа, и уж оттуда после поехал в среднюю школу в Усть-Уду. Окончил Иркут¬ский университет (историко-филологический факультет).

Роскошная деталь, про которую ВГ когда-то рассказал:

— Когда попал в Иркутский университет, жили в общежитии тоже коммуной. Братское было отношение друг к другу. Буряты, русские, ребята с Украины... Все покупали вскладчину и ели из одного котла. У нас даже тарелок не было, все своими ложками в одну кастрюлю ездили. Скоро выяснилось, что у меня и еще у одного парня скорость повыше, и чтобы всем поровну доставалось, ребята вынуждены были купить нам алюминиевые тарелки.

Так ВГ попал в элиту, стал не как все, обособился, — забавно. И очень трогателен тот факт, что не смог человек сбавить обороты, не удалось ему замедлить движение ложки, какой он черпал из общего котла, обделяя нищих товарищей. Что тут — азартность, слабость перед лицом инстинкта, легкомыслие его тогдашнее? Красивый случай, его так сразу не объяснишь… Хотя, может, это очень простая история про

увлекающуюся личность, которая идет напролом, делает, что должно, что хочется, и плевать, что про это подумают другие.

В Иркутском университете на том же истфиле в одно время с Распутиным учились несколько писателей, которые печатали прозу и даже вступали в СП, в их числе тот самый Вампилов. «На старших курсах приходилось подрабатывать на радио, в молодежной газете. Я в то время подружился с Вампиловым. Он учился на год младше, но уже тогда издал книгу рассказов, и я ему немного завидовал. «Чем я хуже? — думал я и тоже стал писать рассказы. Они были, конечно, наивные», — вспоминал после Распутин. Вампилов, как известно, погиб молодым, очень яркой высокохудожественной смертью — утонул, причем не где-то, но в Байкале. Там, кстати, непросто найти мелководную бухту с пляжем и поймать редкий момент, чтоб вода была не ледяная. А так-то она холодна, как наша родина к своим детям. Тяжело плыть по ней, легко утонуть… И вот по прошествии множества лет, а именно в 2006 году в Иркутске провели опрос, и оказалось, что самый выдающийся местный писатель — Александр Вампилов (19,9% голосов). Валентин Распутин — вот ведь неожиданность — занял только 9-е место (3,9% голосов). Про что эта история? Что Вампилов круче, и Распутин расцвел только после ухода более масштабного соперника? Что театр главней прозы? Что Распутин похерил литературу, ушел в журналистику и потому пропал с читательских радаров? Что теперешняя литература потеряла силу, и люди с удовольствием вспоминают блеск советской звезды? Что Распутин стал фальшивить? Что он перестал быть писателем, художником и сделался общественным деятелем, пропагандистом и идеологом, то есть в некой народной табели о рангах спустился вниз на пару-тройку ступенек? Не могу знать.

Учась на историка-филолога, Распутин в итоге стал журналистом еще в студенчестве: он писал в иркутскую комсомольскую газету. Получив диплом, продолжил работу в сибирских СМИ (Красноярск, Иркутск, ТВ и газеты). Первой его книгой был сборник не рассказов, но очерков, причем с откровенно недеревенским названием: «Костровые новых городов». Но прозу он писал еще, как мы помним, со студенчества. Пытался прибиться к писателям, ездил на семинары, на одном из них — Читинском писательском (1965) — засветился, его заметили. Что за семинар? При Советах была такая штука, там искали таланты, чтоб их после двигать. Почему бы не сделать все проще, публиковать авторов, и пусть читатель голосует рублем? Другие были времена. Наверно, как-то пытались партийные начальники фильтровать кандидатов в жрецы и небожители. Конечно, был смысл как-то отсеять неблагонадежных, чтоб зря не палить ресурс. Распутин фильтр прошел. Советскую власть (в отличие от теперешней) он в принципе не ругал, ну разве так, по мелочи были у него разногласия: экология, деревенская, пардон, «духовность» — в противовес казенной романтике больших строек.

Пройдя, значит, через фильтр, выдержав проверку на благонадежность, в 1966 году нестарый журналист Распутин бросил газетную поденщину и стал свободным писателем; тогда гонорары были такие, что жить было можно, причем довольно кучеряво. Книжный тираж в 30 000 считался совсем небольшим. Причем еще до выхода книги, после подписания договора, писателю платили аванс в несколько тыщ рублей — ну и какой был смысл горбатиться в газете? Логично, логично…

Ну и дальше — вперед, к успеху! В начале 70-х его уже печатают не только в Сибири, но и в Москве? и даже за границей (пусть это всего лишь Польша). В 1971-м награждают орденом — «Знак Почета». В 1977-м дают первую Госпремию (за повесть «Живи и помни»). В 1987-м — вторую (за «Пожар»). Он успел побыть делегатом писательских съездов и депутатом Верховного Совета СССР. Под самый занавес социализма он делается Героем Соцтруда. О чем это говорит? Ну как минимум о том, что Распутин крепко вошел в номенклатуру «совка». Системе он был не чужой, а очень даже родной человек.

Фраза кого-то из критиков: «Распутин влился в стан «деревенщиков», старших по возрасту: Ф. Абрамов, В. Астафьев, Е. Носов, В. Белов, Б. Можаев, В. Шукшин. В них он нашел поддержку». Но Распутин не ограничил себя работой на уровне «инда взопрели озимые» (что, конечно, тоже важно и нужно, у него полно слов навроде «на обыденок», «шалаган», «воздырять», «дадена», «на опоздках», «изговелась», «ветробой», «крыльцы», «вдругорядь», «миликает», «простохожий») и свою главную книгу сделал саспенсом, достойным Голливуда. Хватило мастерства и полета. Это я про «Живи и помни». «Сюжет о дезертире не нов для Сибири. В фольклоре наших мест немало быличек, связанных с ним. Видимо, таежная глушь не однажды соблазняла ослабевших духом укрыться в ней от злодейки пули», — написал кто-то из сибиряков. Быличек полно, а книга такая — одна. (Те, где дезертиров клеймили и разоблачали, не в счет.) Были, конечно, тупые наезды: как, про дезертира к юбилею Победы?! (1974) Но как-то обошлось, даже Госпремию дали. Сегодня можно себе такое представить — такую премию да за книжку на такую тему? Лично у меня не получается. Страна, кажется, стала более казенной и забубенной, чем в самый махровый совковый застой! Ну и дела…

Далее повесть «Прощание с Матёрой» (1976). Про строительство ГЭС. (Привет Саянам от Братска.) Он тогда

говорил про то, что жаль затопленных деревень, а про грядущие техногенные катастрофы если б и надумал сказать, так не дали бы точно.

В первый год перестройки — 1985-й — выходит повесть с неслучайным названием «Пожар», в ней автор завернул в сторону социалки и публицистики, там про людей, которые уехали из деревни и стали жить по-новому, то есть как попало. Там при желании можно найти кучу символов. За книгу дали, как я уже говорил, Госпремию-2.

Далее была кампания против переброски северных рек на юг. Она началась в 1986 году. Позже партаппаратчики рассказали в прессе, что они разрешили публике орать про экологию, чтоб отвлечь от политики и экономики. Те, кому положено, уже знали — денег ни на поворот рек, ни на ликвидацию ЦБК на Байкале нет. Это была как бы победа Распутина и его сторонников. Ненастоящая, но все равно победа ведь. По-любому лучше, чем чистое, натуральное поражение.

10 ЛЕТ МОЛЧАНИЯ. ИЛИ 15

Это молчание, пожалуй, самое первое, что приходит в голову при мысли о ВГ.

Распутин надолго забросил литературу и выкинул из жизни лучшие свои годы. Ради чего? Заради политики, экономики, крика и ора. Он молчал как писатель с объявления перестройки самое меньшее до 1994 года, когда он вернулся к писанию рассказов (правда, уже не таких мощных, как прежде). Что ж, это был его выбор…

Какая проза! При чем тут литература! У него были дела поважней, без иронии это говорю. Да взять хоть «Слово к народу» (1991), одним из подписантов которого стал ВГ! Его можно без натяжек назвать идеологом (одним из) путча! Он делал революцию! Или контрреволюцию, поди сейчас разберись, задним-то числом. Горбачев, помните, про путч говорил, что все равно нам всего не расскажет? Если близки к правде разговоры о том, что Михаил Сергеевич сам тот путч сыниициировал, чтоб поднять свой рейтинг (почему нет), то горе Валентину Григорьевичу…

Левые газеты писали про то обращение: «Патриотическая общественность пыталась удержать страну от сползания в новую революцию». Кроме ВГ вот кто еще, напомню, подписал тот текст: Герои Советского Союза генералы Валентин Варенников и Борис Громов, а также Людмила Зыкина, Юрий Бондарев, Вячеслав Клыков, Александр Проханов, Геннадий Зюганов, Александр Тизяков (ВПК), Василий Стародубцев. (Я еще вернусь в связи с этим к теме ссоры ВГ с Астафьевым. — И.С.)

Он много говорил после про свое молчание.

— Теперь о моей эволюции. В свое время я оставил литературу, полагаю, не потому, что исписался, а потому, что уткнулся в тупик. Это не одно и то же. Я был «деревенщиком». Все, что могла сказать «деревенская литература», она сказала, — горько признается он.

Было похоже, что он после этого замолчит навсегда, чего уж тут, раз так.

Но навсегда — не получилось.

Ему приписывают 10 лет молчания.

А сам он называет другую цифру:

— Я за 15 лет не написал ни одной книги, потому что постоянно за что-то боролся. Боролся за культуру — ведь столько грязи было в 80-е годы, она же не в 91-м году только пришла, она пришла раньше. Нужно было бороться за культуру, за нравственность, и мы готовили закон о нравственности. Была создана комиссия в Министерстве культуры Николая Губенко, который тоже прекрасно понимал, что происходит. Приходилось бороться против поворота северных и сибирских рек, за Байкал, да много за что приходилось бороться.

Ему важно объяснить, что молчал он долго-долго, он считал необходимым уточнить, сколько:

— Повторяю: в сущности, 15 лет я почти не писал. Считаю, что эта жертва была немаленькая.

Он еще и еще раз объясняет, пытается объяснить, почему так получилось, почему он принял такое решение:

— Я бросился в публицистику, мне казалось: надо немедленно, сегодня показать источник зла. Не мы

выбираем, что нам делать. Существует сила, которая выбирает нас. Я, по крайней мере, не мог бы только затравленно озираться, когда Россию с потрохами продавали и дурачили.

Потом он начал писать повести, впрочем, очень и слишком публицистичные, но кто их заметил? Он сам приводит статистику:

— Даже друзья, те, кто следит за литературой, спрашивают: а почему вы молчите? Создается впечатление, скажем, что я, Василий Белов, Евгений Носов, другие писатели, которые прежде были все-таки известны, — все мы замолкли. Но это ведь, в самом деле, не так. Просто выход книжки теперь имеет только «местное значение». Если она даже вышла в Москве, то тиражом две, три, пять тысяч экземпляров, не больше. А что такое на Россию пять тысяч экземпляров? Это капля в море. Но и этой капли, очевидно, достаточно для читателя, потому что книжки все равно расходятся с большим трудом.

Ну а теперь — самое, по-моему, главное, хотя у него много главного:

— Да, писать, как Толстой, Бунин, Лесков, мы сейчас не сможем. Как будто ветер прошелся не только вокруг нас, но и по нам самим и унес что-то главное.

И вот еще:

— Старость, она ведь не делает человека красивее. В любом отношении — ни внешне, ни внутренне. Старость, она многое огрубляет в человеке. Выстужает его. У меня сейчас очень небольшой круг людей, с кем можно говорить о чем угодно.

Хорошо про возраст… Годы же не идут зря, если, конечно, человек имеет привычку думать и способен чувствовать. И про узкий круг все верно, не возразишь. Мы, простые читатели, в число избранных не входим, чего ж нам досадовать на молчание классика? Вежливо и деликатно он ставит нас на место. Ему не о чем с нами говорить.

Тут уж сама собой приходит мысль про Льва Толстого: тот тоже перестал сочинять fiction и переквалифицировался в памфлетисты.

И уж совсем чтоб добить вас уровнем трагизма ВГ:

— Мы тужимся восстанавливать разрушенное, складывать распавшиеся части воедино, но они выскальзывают из наших рук и рассыпаются без того цементирующего состава, который есть читательское внимание. Мы пытаемся склеивать разрозненные концы, но сухая бумага, не пропитанная сочувствием, не пристает к полотну.

Горькие, суровые слова.

Глупо после этого приставать к нему с вопросом, типа, что ж вы не пишете лирических книжек? Зачем лезть с советами к пророку? Это выглядело бы глупо.

Он все-таки настоящий. Он по гамбургскому счету. Этого нельзя не признать.

ТАК КТО ЖЕ ВИНОВАТ?

Да, Распутин в те годы звал куда-то, вместо того чтоб писать повести или хоть осмыслить происходящее с народом. Он все силы бросил на то, чтоб выяснить: кто виноват? Как будто это самое важное! Когда начинается катастрофа, надо не судейских вызывать, а спасателей МЧС все-таки. Так мне кажется. Но кто я такой? У ВГ другой взгляд был на это все.

Вот его, к примеру, откровения начала 1992 года, только-только от путча отошли и начали жить в новой, не СССР уже, стране: «Все несчастья России происходят оттого, что ей никак не дают жить собственной головой... [Главное] для русских — это освободиться от навязанного им комплекса неполноценности, осознать свое достоинство и неповторимость». И много прочего в том же духе. Ну, о чем это?! Что стоит за этой фразой, в чем ее смысл? Русским не дают жить своим умом? Предположим, это так. Почему писатель-пророк не берется объяснить, в чем тут дело? Отчего русским кто-то может что-то разрешать или запрещать? По какому праву? Если они выполняют приказы извне, во вред себе — как их назвать? Что это — мазохизм, слабость головы, ну что еще, черт возьми? Кто навязал русским комплекс неполноценности? Можно ли навязать комплекс? Он или есть, или нет, так? Если у человека есть некий комплекс и за это он взваливает вину на врага, как назвать такую манеру вести дела? Что это за диагноз?

Я глубоко сочувствую русской идее, я всячески желаю русским успехов и удачи, я русским как украинец, живущий много лет в Москве, — не чужой, хоть сами они держат меня за чужого. Но, кажется, я не видел еще ни одного вменяемого русского национального идеолога. Никто из них не может мне объяснить, отчего бы русским не устроиться на работу в той же Москве, почему они доверяют это, к примеру, киргизам и таджикам.

Чаще всего — уж давайте сразу быка за рога — русские националисты обижаются на евреев, что те их сбили с пути. Ну, допустим, что это так. И вот я представляю себе, как два еврея строят 140 русских, и те делают, что им скажут. (Как известно, в России с населением 140 с чем-то миллионов человек евреев всего 2 миллиона.) Ну и в чем же тогда вина этих евреев, что русские выстроились к ним в очередь за получением указаний? Любой бы рад иметь на посылках 70 бесплатных добровольцев… пусть даже и пьющих.

Я, может, не понимаю тут чего-то, но я честно ищу ответа, а мне его никто не дает. Что не так с русскими, отчего ими помыкают всякие злодеи? Вопрос, увы, остается открытым. Не хочу никого обидеть, но мне, вообще говоря, не представляется трагической фигура танцора, который выходит на сцену и вместо того, чтоб танцевать, рассказывает, как ему мешают его же яйца. Может, ему лучше как-то молча попытаться станцевать? (Пардон за резкость.) Вот такие скорбные радикал-патриоты навязывают России образ Пьеро. Он ходит и ноет: вот, нехороший мальчишка увел у меня Мальвину, и теперь я несчастен и пою вам свои тоскливые песни. Известно, что русские склонны к мазохизму, но зачем еще и приучать их к мысли, что Пьеро — наряду с Емелей и Иваном-дураком — национальный герой и носитель национальной идеи? Пусть Пьеро даст Буратино в торец и/или найдет себе другую девку… Или уж заткнется и уйдет в сторонку.

А вот еще одно настолько же глубокое высказывание ВГ: «Как бы хотелось призвать к старому нрав¬ствен¬ному правилу: нельзя мне поступать дурно, ибо я русский. Когда-нибудь, будем надеяться, русский человек возведет эти слова в свой главный жизненный принцип и сделает их национальным путеводством». Это Распутин донес до нас в том же 1992 году, в июне. Мероприятие, где это было сказано, называлось пафосно — I съезд Всемирного русского народного собора. И вот эти откровения мы читали вместо книжек писателя… Русскость — это святость, что ли? В противовес чертям нерусским? Неважно, прав он или нет, но тут какие-то проблемы со вкусом начинаются, автор как-то слишком серьезно относится к себе. И к своим соплеменникам.

Принято считать, что Распутин прервал свое писательское молчание в 1994 году. Но точно ли прервал? Может, он так и остался публицистом, спустился в наш цех, в трюм, а вылезти наверх уж не стало сил? Или «он вышел на палубу — палубы нет»? Это я про первый рассказ из цикла «О Сене Позднякове». Деревня пришла в упадок, Сеня запил, потом проспался и придумал ехать в Москву — сражаться против неправильного ТВ, которое во всем виновато. (ТВ вместо яиц, оно тоже, значит, мешает. Кто у нас командует телевидением — ЦРУ или все-таки Сурков?) И нету у него других забот. В самом деле, идти работать — это как-то тупо и бездуховно. Пусть таджики пашут или киргизы, кто у нас еще на стройках?

Бля, чего я лезу спорить? Искать виноватых? Нет, я не про то. Мне просто обидно, что главный писатель-патриот не может мне, человеку доброжелательному и сочувствующему, готовому слушать, объяснить, что к чему. Что ж про остальных тогда говорить? Про злых и насмешливых?

Дальше — больше: рассказ «В ту же землю» (1995). Некая измученная жизнью тетка, не имея денег на похороны матери, закапывает старуху в лесу, тайком, ночью. Чернуха, безнадега, прочел — и хочется напиться. Внутри рассказа попытка вроде как объяснения: «Я тебе скажу, чем они нас взяли... Подлостью, бесстыдством, каинством. Против этого оружия нет». И правда нету против этого оружия… у малых неразумных детей. Которые не видели еще взрослой жизни. Но я-то думал, что мы про взрослых говорим…

Потом была нашумевшая (в узких, правда, кругах) повесть «Дочь Ивана, мать Ивана» (кажется, 2004). Мать убивает насильника своей дочери прямо в зале суда. Он — кавказец. Некоторые потом упрекали писателя, что он сгустил краски, уж прям так надо было кавказца придумывать! Ан нет, писатель по примеру своего коллеги Достоевского взял фабулу из газет. Это реальный случай, весь Иркутск гудел! И чем тут крыть? Что с этим делать? Не знаю, откуда ж мне знать. Но литературки в этой повести, по мне, так не слишком много. Это как статья в оппозиционной газете. Человек сел решать задачу… С виду — вроде честно искал решение. А по сути, подгонял под ответ в конце задачника. И он это знает, да и не скрывает от нас, и мы это видим, но молчим, из вежливости ли, от неловкости ли или еще чего. Мы не в своей тарелке, а он-то, он? С его-то деревенским чутьем? Наверно, остановиться не может…

Даю еще цитату: «Китайцы хитрее, кавказцы наглее, но те и другие ведут себя как хозяева, сознающие свою силу и власть». Если это правда, то что с этой правдой делать? Русским пойти на дно с любимой народной песней «Врагу не сдается наш гордый «Варяг»? Или выслать всех инородцев из России в опломбированных

вагонах? Провести этническую чистку, как в Югославии? Раздать кавказцам и китайцам должности менеджеров?

Нет ответа…

Вообще же можно выстроить догадку, отчего ВГ так зациклился на русской национальной теме. Может, это от хорошей порции у него нерусской крови, как это часто бывает в подобных случаях? В лице писателя добрые критики давно уже приметили некую «примесь коренной сибирской породы, этакую «тунгуссковатость», и то правда — дед его из туземцев. Это как если бы в Северной Америке он был индейцем; наверно, как-то иначе он бы ощущал штатовский патриотизм и праздники б не как белые праздновал бы. Чем бы занимался? Требовал бы прикрыть резервации? Поди знай.

Пришли злые белые люди, споили туземцев огненной водой и за стеклянные бусы забрали у них землю. У туземцев не хватило ни воли, ни ума этому воспротивиться. Они облажались, они все потеряли, несмотря на всю свою духовность, несмотря на великих предков, несмотря на то, что они великий и терпеливый народ. Это так — и что, отдавать теперь Манхэттен команчам, а Сибирь — якутам и тунгусам? Бред. Что за чувство клокочет в груди ВГ? Гнев русских — против кого? Кавказцев и китайцев он не напрямую называет виновниками всех бед, а только косвенно, говоря об их высоких боевых качествах в противовес русским. Русские обижены — кем конкретно, когда? Непонятно. Так, может, это в сердце ВГ, тунгуса, стучит пепел его предков, у которых белые отняли все? И он не только не может сказать об этом прямо, может, он этого и высказать не может, и понять это ему невозможно? Кому эта мысль кажется слишком надуманной, тот пусть ответит себе на простой вопрос: может ли полукровка слушать голос только одной половины своей крови, в ущерб второй, способен ли он быть тут непротиворечивым? По мне (да и, пардон, по статистике тоже), так русский — это прежде всего житель города, но уж никак не затерянной в тайге деревни. Это городской человек, который скорей уж в Нью-Йорке выживет (и тут статистика на моей стороне), чем в лесу или на хуторе (вспомните про Лыковых).

Вообще эта «тунгуссковатость», ну или как там еще ее назвать, очень важна в русской культуре. Я не раз уже про это писал, вскользь. В России такие вот метисные лица, полурусские-полуазиатские, с монголоидным прищуром и белой кожей, со скулами, но и с голубыми или серыми, русскими водочными бесцветными глазами — они каждом шагу, и их обладатели необычайно заметны в метро, в истории, в культуре. Это Лев Толстой, Достоевский, Шукшин (тоже сибиряк, кстати), Слава Курицын (с Урала), Сельянов, Пелевин (!), Баширов. Само собой, Вампилов, товарищ ВГ. Это кто сразу приходит на ум. Наверно, такие люди имеют больше шансов понять Россию, которая не вся же подмосковная и есенинская, вон же еще Сибирь огромная, которую отнимали у монголоидов наши предки казаки-разбойники. Какой-нибудь чисто русак спокойно живет себе в Москве или, хуже того, в Штатах и пишет безмятежно книжки, а наш метис все бросил и кинулся на амбразуру… Кровь его гонит, нету у него важней задачи, чем показать, что он больший русский патриот, чем прочие. Как к этому ни относись, а сделать с этим ничего нельзя.

Эта его «тунгуссковатость» — почему нет — может идти от того, что называли тунгусским метеоритом, во всяком случае, там был какой-то планетарных масштабов выброс энергии, и часть ее, гляди, перепала нашему байкальскому пророку…

— У меня такое ощущение, что нашу страну кто-то целенаправленно разваливает. Так, как это было тогда, когда развалили и уничтожили Советский Союз. И сейчас появились люди, которые отрабатывают чей-то заказ по уничтожению российского народа, выпуская одиозные книги, газеты, обрабатывая население через радио. Сейчас идет нашествие на нашу страну. Я говорю не об иноземном нашествии. Я говорю о духовном нашествии, — жалуется ВГ. Или, как говорят его недруги, кликушествует.

Тут напрашивается цитата из другого классика все той же русской литературы — Пелевина. Помните, он тоже говорил о том, что антирусский заговор есть, правда, участие в нем принимает все население страны…

ДОЧЬ

Потом был кошмар: погибла дочь ВГ. 9 июля 2006 года. Помните, она полетела в Иркутск, к отцу, самолет уже сел, но, не затормозив, докатился до бетонного ограждения, пробил его и врезался в гаражи. Начался пожар, погибли 125 человек.

Это страшно, это ужасно. ВГ, как АА (Анна Ахматова), хотел быть со своим народом, он был там, где народ, к несчастью, был. У Ахматовой сын сидел, у Распутина — ребенком умер сын, и вот теперь взрослая дочь погибла. Он, кажется, разделил со своим народом и эту муку тоже; сколько уж русские теряли детей! У кого

сын на войне погиб, или — не знаю — в Беслане…

Мария окончила Московскую консерваторию по двум специальностям, как музыковед и органист. Защитила диссертацию по церковнославянской музыке. Вышла замуж за священника, семья собиралась уехать в дальний приход, но все-таки они остались в Москве. Откуда Мария и полетела на родину, на побывку…

Журналист Кожемяко из газеты «Правда», с которым ВГ много лет ведет откровенные беседы, для печати, на правах старого друга безжалостно спросил осиротевшего отца, как он теперь? Тот ответил:

— Как? Да разве сказать — как? Если бы я как писатель поставил своих героев в те же самые обстоятельства, в каких оказались мы, я не смог бы и в сотой, тысячной доле передать все, что пришлось и придется еще пережить. И я не имею права говорить только о своем, о нашем семейном горе: 125 человек заживо сгорели в то раннее утро 9 июля. Попробуйте не представлять себе, как это происходило, попробуйте не гореть вместе с ними. В нас выгорело многое, и мы теперь совсем иные, чем были до этого страшного рубежа.

Само собой.

Он сказал еще тогда:

— О, времена! О, нравы! Мало того что убили — все равно, конструкторской ли ошибкой, или протаскиванием несовершенных машин на рынок,— так еще убийц решили искать среди потерпевших! А что машина была неисправна и что было рискованно поднимать ее в воздух — об этом ни гу-гу. Вина компании «Сибирь» больше, страшнее, чем остальных, как говорится, фигурантов этой трагедии. Это даже и не вина, а преступление, не случайно она теперь спряталась за шифровку S-7, с которой взятки гладки… Выгода — вот что сегодня правит миром и что явилось главной причиной иркутской катастрофы. Большие деньги. А нам — большие слезы. Надо ли заботиться о своих соотечественниках в воздухе, если они миллионами мрут на земле?

Сказал — и в Москву уже не полетел. Поездом поехал. Понятное дело…

КРЕЩЕНИЕ

Русский писатель и вера: как без этого? Советский, хоть и беспартийный писатель, Распутин окрестился в 1980 году, раньше очень и очень многих. Если это можно поставить ему в заслугу. Хотя немного и странно, что его не окрестили в деревне, — из-за того что в поселке родился, что ли?

Сделал он это не просто так, но со значением, и рассказал об этом:

«К этому времени осознал окончательно: быть русским — значит, быть православным. Мы много тогда ездили по России — по монастырям, полям битв, былым писательским усадьбам. Мы — это Владимир Крупин, известный прозаик, ученый Фатей Шипунов и кинорежиссеры Ренита и Юрий Григорьевы. Не однажды бывали в Оптиной пустыни, тогда еще разрушенной, в Сергиевой лавре, в Ферапонтовом монастыре. Способствовало этому знакомство, довольно близкое, с архиепископом Питиримом, замечательным человеком и молитвенником, с батюшками отцом Николаем и отцом Иосифом из старинного Ельца, где я и принял крещение. Крестился, потому что уже к тому времени созрел. Ну, как фрукт-овощ созревает. Не могу похвалиться, что я истово верующий, но верующий искренне и, думаю, глубоко».

Ну и прекрасно.

ЮБИЛЕЙ

На 15 марта 2007 года пришелся юбилей ВГ — 70-летие. Левые патриоты ревниво следили за федеральными телеканалами — как откликнутся?

Первый и НТВ не сказали ни слова по поводу.

«Культура» показала «Прощание» (по повести «Прощание с Матёрой», Лариса Шепитько и Элем Климов), а еще докфильм «Во глубине Сибири. Валентин Распутин».

Канал «Россия», по мнению почвенников, почтил ВГ тем, что отменил показ фильма про Довлатова (!); очень тонко...

ТВ-Центр показал документалку «Вверх по течению с Валентином Распутиным».

Но пафоса фильму, по мнению суровых критиков, не хватило: «До сердечной боли было обидно, когда рассказ Валентина Распутина о матери, матери-природе, матери-русской литературе прерывался попсовыми песенками и пьяной болтовней оболваненных телевидением людей».

Ну да бог с ним, с ТВ. А зато юбиляра поздравил Патриарх Алексий II. Что касается президента Путина, так он не только поздравил, но еще и наградил — орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени. (IV степень уже есть).

Так что ВГ на плаву, и рано вы его списываете!

ДЕБАТЫ: «ЗА» & «ПРОТИВ»

При всем том, что литература с критикой ушли на задворки нашей жизни, какая-то полемика все ж идет. Иногда — даже интересно и захватывающе.

«Сама Россия избрала его, чтобы устоять в тяжелые дни. Но живая и слишком подвластная времени, она сама же (ох уж эта наша черта — искать правды и делать все, чтобы избежать ее), сама старается обойти его, потому что он своей страшной серьезностью «мешает» жизни резвиться в свое удовольствие. Как всегда мешал русский художник, будь то Гоголь времен «Переписки с друзьями», Достоевский, Толстой. Но она же знает, что, набегавшись, она найдет, куда вернуться, ибо такие художники хранят золотой метр ее лучшего, ее горнего, ее небесного, И уж что она знает наверное, так это то, что Распутин оставит свой пост, как последние матёринские жители, — только вместе с водой, с кладбищем, с памятью», — вот показательный левопатриотический текст, каких немало кругом. Не забывают классика, молодцы. Поддерживают добрым словом.

Вот, например, еще так: «Не будь протестующего труда Распутина по защите чистоты нашего славного моря Байкал, президент Владимир Путин не заставил бы сейчас отодвинуть экологически опасную магистральную трубу подальше от его священного берега». А что, может, так оно и есть.

Теперь цитата из очередного комплементарного критического текста: «Кажется, первым о Распутине как о выдающемся русском философе нашего времени сказал Игорь Шафаревич. Да и возьмите публицистику писателя, его речи, интервью — кто еще у нас мыслит на таком уровне!» Сказано, конечно, сильно, ну и пускай. Пусть он будет еще и философом, нам не жалко.

Про распри: тема для России очень печальная, может быть, безнадежная, но иногда по этому поводу ВГ говорит такие вещи, что ему мысленно аплодируешь:

— А с кем нынче брататься? С Евтушенко, Чередниченко, Коротичем? Но это невозможно. Они стали орудием разрушения России. Вначале разрушали, а потом сбежали за границу.

Молодец! Я сам либерал и отчасти космополит, но не могу не признать: уел ВГ русского поэта Евтушенко, уел. Коли ты русский поэт, то изволь жить в России, или уж сбавь полемические обороты. ВГ из своей сибирской глуши, где он живет бок о бок с простой русской публикой, — имеет право говорить все, просто все, что захочет.

(Левые часто приводят слова Распутина о том, что он считает предательством добровольную эмиграцию. Воля ваша, а я Бунина предателем никак не считаю. Конечно, он бы мог остаться, и мужики б его подняли на вилы, или чекисты бы его превратили в животное, прежде чем убить, как, например, Мандельштама, — но это было бы не патриотично, а глупо. Уехал Иван Алексеич, хватило интеллекта!)

Но что ему Евтушенко! Куда больней и страшней был разлад с Виктором Астафьевым.

Дело было так.

ВГ, как известно, подписал знаменитое «Слово к народу» перед самым путчем. И тут же Виктор Астафьев дал интервью телепрограмме «Вести», в котором путчистов осудил и даже назвал «черносотенцами», а что может быть обидней для патриота? Но, правда, он сделал оговорку: «Я не хочу сейчас давать оценку поступку Бондарева и Распутина, пусть это останется на их совести». Про этих двоих он также сказал, что они «были моими товарищами».

Забавно и показательно, что «Комсомолка», печатая текст этого телеинтервью, выбросила из его текста фразу про «черносотенцев». По этому поводу кто-то из левых злобствовал: «Ну как тут было не вспомнить

Эйдельмана и его отца, который был исключен из гимназии за пощечину «учителю-черносотенцу»! О, ирония судьбы! Выступив против «Слова к народу», Виктор Петрович Астафьев как бы побратался со своим недавним врагом... Ну кто бы мог предвидеть такое оборотничество?».

Если кто не помнит, в 80-е Астафьев жестко дискутировал с Эйдельманом, и некоторые даже сочли писателя антисемитом. История была очень громкая…

Почвенники были после этого интервью в растерянности, тем более и путч как-то не задался. Они не знали, что сказать про выпад Астафьева. Даю цитату, забыл из кого, да и не важно, тут же и не диссертация вам: «Василий Белов отворачивался, скрипел зубами, досадливо махал рукой. Валентин Курбатов размышлял о сложности и противоречивости писательского таланта. Кто-то из друзей бормотал: «Да нет, это все случайное, наносное, он еще опомнится, вернется к нам». И лишь помор Личутин, сверля собеседника маленькими глазками-буравчиками, был неизменно беспощаден: «Я ему, когда прочитал «Печальный детектив», однажды прямо сказал: «Виктор Петрович, а за что вы так не любите русский народ?»

И дальше: «Валентин Распутин, для которого разрыв с Астафьевым был, наверное, куда мучительнее, чем для Личутина, однажды с трудом, как бы нехотя, высказал такую мысль: «Он же детдомовец, шпана, а в ихней среде жестокости много. Они слабого, как правило, добивают. Вот советская власть ослабела, и Астафьев, как бы обидевшийся на нее за то, что она его оставила, бросился добивать ее по законам детдомовской стаи...»

Позже ВГ, конечно, много раз спрашивали про тот скандал и про отношение к коллеге и, можно сказать, собрату — ну, бывшему. Он отвечал:

— Кто вам сказал, что у меня было плохое отношение к Астафьеву? Я его всегда высоко ценил как писателя. А все эти политические дрязги… Никому они не нужны. Со временем о них никто даже и не вспомнит.

Теперь вспоминают другое. Как Астафьев, умирая, говорил: «Мог бы Валя и приехать…». Как он перед смертью читал книжки своего друга, бывшего друга.

ВГ говорил:

— Я готов был приехать… Но не на те «собрания», где было слишком много для меня чужого народа…

Так они и не повидались, и уж не увидятся на этом свете.

Но кроме политической критики есть и литературная все еще. Не могу удержаться от цитирования Валентина Оскоцкого, который крепко выступил:

— Как видим, перерождение писателя в политика (ого! — И.С.) не прошло бесследно для души. Случай не редкий, история литературы — и отечественной, и мировой — знает таких немало. Но в отношении Валентина Распутина по-человечески тем обиднее и больнее, что в его лице наша словесность имела талант яркий и сильный, который на глазах начал губительно деформироваться… писатель имеет право говорить напрямую. Дело лишь в чувстве меры: оголтелое правдорубство никому еще не сослужило хорошей службы. Удивительно, но как раз идеи, поданные, что называется, в лоб (казалось бы, куда уж ясней!), не воспринимаются в должной мере. Теряется художественная убедительность — и перестаешь доверять написанному.

А пожалуй, что-то в этом есть, есть что-то…

И еще из Оскоцкого, насчет недоверия, довольно метко сказано, именно в этом отличие новых книг ВГ от старых добрых:

— Еще о Сталине. Не верю я распутинскому Ивану Савельевичу, будто он, втихаря перекрестившись, шел в атаку с криком «За Родину, за Сталина!». Зато верю героям Виктора Астафьева и Василя Быкова, Григория Бакланова и Бориса Васильева, которые погибали без имени отца народов на устах. Да и у Твардовского в «Василии Теркине»: «Взвод, за Родину, вперед!». За Родину, а не за Сталина. Отдавать жизнь за вождя призывали политруки, да и те часто по обязанности, а Иваны Денисовичи, Африкановичи или Савельевичи обходились простонародными матерками.

Браво!

И туда же чье-то: «Газеты В. Распутин клянет так рьяно, будто утоляет ностальгическую тоску по подцензурному «правдинскому» единообразию советской прессы». Ну а что, не в бровь а в глаз.

Еще известно, что ВГ собрал коллекцию колокольчиков. Он про них говорит: «Иногда подхожу [к ним]. Посмотрю на них. Полюбуюсь. Поглажу их, чтобы откликнулись перезвоном. Поправлю свое настроение… Это как детская забава. Люблю смотреть на них, прежде чем начинаю работу».

Что за недобрая ирония: был вечевой колокол, был герценовский, а теперь — не колокола, а колокольчики…

А вот как прошелся по ВГ критик Сергей Ступин в дискуссии с Оскоцким, в которой они обсуждали Распутина:

— Побойтесь Бога, Валентин Григорьевич, коль скоро вы человек верующий. Разве кавказцы избили вас в подворотне (на самом деле в подъезде. — И.С.) собственного дома? Чистокровное русское хулиганье!

(Это, кажется, намек на «Дочь Ивана, мать Ивана», откуда некоторые вычитали мысль про кавказцев, которые, типа, во всем виноваты.) И ведь точно это были русские — сволочь, которая жестоко избила писателя. Страшно даже думать про то, какие мысли терзали тогда старика ВГ… Не приведи господь. Вот захотел человек быть всегда и во всем со своим народом, и так и стал жить, и живет. Далеко не каждый это сумеет, редкий человек на такое отважится, я тут про наш народ, близость к которому не сказать чтоб сладка и приятна. Русские, кто может, у кого есть деньги, от народа отгораживаются если не охраной, то уж заборами или железными дверьми, двустволками и овчарками, и эти «друзья человека» делают страну похожей на лагерь… Нету у людей столько сил, чтоб жить посреди своего народа голым и безоружным. А у кого есть, те уж нам кажутся пророками и героями, и жертвами. И отшельниками: среди народа как-то одиноко. Но ВГ сделал в жизни такой вот геройский выбор. Как тут не снять перед человеком шляпу? Притом что про народ он знает поболе, чем мы, прямо скажем…

ОТВЕТЫ

Ну, так что ж делать? Кто виноват и как исправить положение? Возможно ли вообще? По разным публикациям, по статьям и манифестам я как по сусекам собирал ответы классика. Он от них не уходил, давал уж какие есть. Вот, пожалуйте.

— Деревня, в сущности, уничтожена. Все, что осталось от нее, — скорбные остатки былого, — сказал он. Что делать? Помогать, стало быть, — вот как он добился открытия в родной деревне школы.

Сделал человек доброе дело, реально помог людям. Это одна история. Но мне мало такого ответа. Я не знаю, зачем России нужны деревни. Поездил я по миру и могу сказать, что деревни есть — кроме нас — еще разве что в Азии и в Африке. Наверно, и в Латинской Америке отыщутся. (А в странах, где Россия покупает продовольствие, — деревень нету уж лет 400 как.) Я вам расскажу, что такое деревня. Это место компактного проживания нищих, у которых даже на машину денег нет. Не говоря уж про инвестиции. И деревни России не нужны. Мысль об этом пришла мне в голову во время путешествия по Штатам. Я ехал по Канзасу, Арканзасу, Оклахоме и прочим сельхозрегионам, смотрел в окно на ухоженные поля, огороженные и обработанные, на бескрайние пастбища и удивлялся — что ж людей-то не видно? Деревень что-то нету, неоткуда взяться, значит, духовности. Только изредка мелькал заселенный людьми островок: жилой дом, сарай, амбар какой-нибудь, ангар, пара пикапов припаркована, трактор с косилкой, комбайн в сторонке — и все! Следующая ферма мелькнет через много миль. Как же они справляются с тыщами гектаров? А так! На технике, ну или сезонников наймут. Как они живут? Почему школу не открывают при каждой ферме? Как в Аталанке? Где магазин, клуб? Нету ничего. Небось, в колхозе и то лучше, чем так на выселках маяться, — жду я ответ почвенника. А если серьезно, то все дома, где есть дети школьного возраста, закреплены за школьными округами, и учеников по утрам собирает школьный автобус, а вечером развозит по домам. Бесплатно. За покупками фермеры ездят в ближайший городок на машине и забивают холодильник с морозильником на неделю. Там же и кинотеатр, и, кстати, храм, парковка перед которым забита воскресными утрами.

А что бы согнать фермеров в одно место, позабирать у них машины и право решать, что сеять и где пахать, да поставить над ними партийного придурка, который будет гнать их на барщину? Чтоб зажили как люди, чтоб приобщились к истинной духовности, перестали гнаться за длинным долларом…

И еще насчет русской деревни. В какой-то газете я наткнулся на текст про вернувшихся из-за границы наших староверов. Они захотели в деревню (!), им предложили пойти скотниками в сельхозпредприятие, на зарплату в 3000 рублей. Те возмутились: что, батраками работать, за копейки?! А наши «деревенщики» этого не осознают, не понимают, что происходит.

Я думаю, ВГ совершенно прав, что сам в деревне не прозябает, а живет на три дома — Москва, значит, зимой, а лето — это Иркутск, ну и еще дача. Так-то оно лучше; а в деревню можно заехать на пару дней, и домой — жить по-людски.

Не нужна русским людям деревня.

Они ж не дикари какие. Хватит имитировать Африку, это наш позор — деревенские беззубые бабки в платках. Постаревшие в 40. По мне, так лучше б они накрашенные с фарфоровыми зубами прогуливались по Риму, вылезши из туристических автобусов, как это делают их американские сверстницы.

Не могу не процитировать тут откровенные слова ВГ о важном проявлении русского комплекса неполноценности, о страшном грехе провинциализма (это мое определение. — И.С.), которым страдает народ и из-за которого он теряет и зевает, и опаздывает; начал он про язык, но это же про всю нашу жизнь:

— Тот язык, которым пишу, он во многом от моей бабушки, она так говорила. Сидеть бы да записывать ее удивительные рассказы, жаль, в те времена у меня не было звукозаписывающей техники. Но я и без того многое запомнил, и когда пришло время писать, воспользовался бабушкиным языком. Правда, поначалу я стеснялся его. Ну, как же! В город приехал, университет закончил, французских и американских литераторов читал, а тут какой-то деревенский язык! Потом у Шукшина прочитал, что он тоже, когда поступил во ВГИК, стыдился своего языка. Понять нас можно. Мы-то из деревенского языка как бы выбрались и оставили его в той, прежней жизни. Потом я осознал, какое это богатство, как повезло и Астафьеву, и Абрамову, и Носову, и Белову. Помню, с каким удивлением читал их прозу. Оказывается, можно так писать.

Как это все важно, убийственно важно. Все люди как люди, а наши стесняются, топчутся в углу, робеют и снимают шляпу перед различными французами… Что с этим делать? Когда это кончится?

Но ведь Пушкина-то читал ВГ, слыхал про Арину Родионовну? Не знаю, что и думать тут.

Отчего русские так разрозненны, не встают друг за друга, как, допустим, армяне? ВГ это знает и легко делится с нами ответом:

— У нас это какая-то национальная болезнь — распри (см. выше про Астафьева. — И.С.). Мы не можем жить дружно, мы не можем делать общее дело, а если делаем, то обязательно с какими-то скандалами, с какими-то подозрениями, разоблачениями и т.д. Вот это тяжело испытывать и наблюдать во всех отношениях. Потому что люди талантливые, люди, достойные уважения... Может быть, это национальная черта, может быть, это болезнь времени — все действительно членится, все делится, все проявляет недоверие друг к другу.

Открытым текстом он сказал нам все. Прямо и ясно. Ну кто, кто в этом виноват? Какие такие кавказцы?! Или евреи? НАТО, может? Нехорошо. Ах, как же это нехорошо… Некрасиво. Неудобно.

Но на это классику плевать. Он знает, как все исправить:

— Люди, которые сейчас сознательно работают против России, — ну зачем они нужны? Пусть уезжают куда-нибудь, забирают свое богатство… — После короткой паузы он добавляет пару слов, решительно меняет концепцию, на ходу: — А лучше все-таки их так не отпускать и богатство оставить, потому что оно награблено, взято в России... и на все четыре стороны, а мы уж как-нибудь будем сами. Я бы и Абрамовича включил туда (в список подлежащих ссылке. — И.С.).

Ну, слава богу, все стало понятно. Прочтут антирусские упыри этот рецепт — и сделают по писаному.

Да и есть же вокруг примеры для подражания. Куда ни глянь:

— Арабский мир на подъеме сейчас. Это национальный, духовный подъем... Я ни в коем случае не хочу оправдывать то, что произошло в Америке, и то, что происходит в Чечне, — это уже экстремизм, террор, с этим соглашаться нельзя никак. Но арабский мир освободился от положения второстепенного мира, он сейчас заявил о себе... Я не имею в виду ни Иран, ни Ирак, а просто тот лучший дух. Который есть в арабском мире. Эта жертвенность, которой нет сейчас больше ни в каком мире, — эта жертвенность нужна. Не для того чтобы таранить торговые центры, а для того чтобы отстоять свою позицию, отстоять свои обычаи, и она потребуется, очевидно. Лишь бы это были здравая жертвенность и здравый подъем.

Где еще ищет положительные примеры ВГ, в каких землях? «Изрядно постаревший Валентин Распутин в интервью сделал открытие: умнее кубанского губернатора человека в России вроде как и не найти», — попрекает его кто-то.

А вот что он, к примеру, в Уфе рассказывал Рахимову:

— Вы живете здесь и не понимаете, насколько благополучна ваша республика. Насколько она отличается от других обнищавших районов страны. А потому для меня было важно получить признание в Башкортостане.

«По мнению Распутина, только в Башкирии могут противостоять злу разложения культуры и нравственности, потому что здесь очень многое делается для поддержания талантливых людей», — написала какая-то газета.

Что еще надо? Где еще, кроме арабских стран и Башкирии, торжествует «духовность»? С кого предлагает брать пример ВГ, с кем еще советует дружить? Пожалуйста: «Лукашенко и Караджич — наша последняя надежда». Неплохо? Неплохо. Но только где тот Караджич… У Батьки дела идут получше, про него ВГ чаще вспоминает: «Почему по чужим заказам, во вред общему нашему делу, надо отталкивать от себя Лукашенко, мужественного и мудрого вождя Беларуси?» Лука, как известно, держится на дешевом русском газе; перейдут на мировые цены — что останется от «белорусского чуда»?

Неплохой вообще рецепт: пристроиться к некой богатой стране — богаче, чем твоя, — и получать от нее льготы, не будем говорить подачки. Чисто по бизнесу — оставим в стороне мораль и совесть — проект неплохой; но насколько он реален? Ну и потом, на ком паразитировать — у Америки, что ли, просить матпомощь? Польша же какая-нибудь нас не вытянет.

Но, похоже, от Америки ВГ не возьмет вспомоществование:

— Когда я узнал, что появились молодые люди, которые сжигали книги Сорокина, то очень обрадовался, значит, не у всей молодежи глаза сожжены американским напалмом, значит, есть еще думающие юные россияне.

И дело не только в США, ВГ смотрит на дело шире:

— Нас потихоньку начинают встраивать в глобалистский порядок. Молодежь не случайно бунтует против него в Европе. Это бунт против выравнивания, когда сущность каждого народа уничтожается, разрушаются все его культурные особенности.

И что же это такое разрушается, о чем жалеет ВГ? Вот о чем:

— Был же когда-то кодекс строителя коммунизма, между прочим, с Христовыми заповедями, — и вот теперь кодекс разрушителя исторического Отечества с заповедями антихриста.

ВГ говорит о том, что страна раскололась, по крайней мере, надвое:

— У нас сейчас две России, пожалуй, даже и противостоящих одна другой. Одна — с радостью принявшая новые порядки, разбогатевшая, подобно нуворишам, от разграбления страны, одуревшая духовно и нравственно от привалившего сказочного дарма… И вторая Россия — любящая свою Родину, не представляющая без нее жизни, продолжающая работать (иногда и тайно, как при оккупации) ради нее. Эта Россия строит храмы и творит молитвы, выпускает книги об отечественной истории и философии, она не окунулась в грязь и бесовство, воровство и беспутство насаждаемых порядков…

Так, так, допустим. По ВГ — да и по жизни, пожалуй, тоже — эти две России не помирить, нет, не помирить. (Это все в продолжение темы внутринациональных распрей.) Но выход есть какой-то? ВГ уверяет, что есть, он дает рецепт, рассказывая, что делает эта вторая, «хорошая» Россия:

— …чтобы выстоять, объединяется в общины — и церковные, и просто мирские. Я знаю случаи, когда и молодежь, особенно школьная, организуется в группы и дает чуть ли не клятву не пить, не принимать наркотики, не участвовать в бесовских сборищах, не поддаваться телеизуверству.

И даже более того:

— Нарождается молодой, жаждущий действий патриотизм. Быть может, более прагматический, но и более волевой. Иногда ко мне подходят на улице и спрашивают: «Скажите, что делать?». Так было в 91-м и в 92-м годах. Тогда подходили в основном люди среднего возраста, а теперь именно молодые спрашивают: «Где находятся отряды, в которые можно вступить?». Я не знаю таких отрядов, но если даже их нет, но о них спрашивают, они могут появиться.

Ну что же, общины, отряды, воздержание. Понятно. Если русский этнос пойдет таким вот несколько сектантским путем, то что тут сказать? Богоносец уж столько всего натворил, что вряд ли нас чем удивит.

Может, лучше б ему, многострадальному, отдохнуть от подвигов. Спокойно ходить на работу, а вечером пить чай и думать о жизни. И телевизор — теперешний, русский, который весь для пэтэушников, конечно б, лучше отключить — вот тут ВГ таки прав, ни убавить, ни прибавить…

Так что же, пропадет русский народ, раз так он ослаб и запутался, заблудился? ВГ только и твердит, что наших давят и теснят. Что же будет? Воду сливать? Ни в коем случае. Развязка драмы, по его мнению, случится по рецепту, который успешно применялся в античном театре: deus ex maqina.

— Придет час — и новый Богдан Хмельницкий соберет Раду и выведет свой народ из одури поклонения чужим богам. Придет час — и устроит Господь, что за грехи свои смертные распадется НАТО, куда теперь шумно и грубо заталкивают Украину тамошние «западенцы». Придет час — и не устоит ВТО, куда на чужой каравай, на который, как известно, рот разевать не надо бы, устраивают Россию наши «западенцы».

Тут сперва про Украину, а дальше, по плану ВГ, Всевышний и Россию направит, куда надо, и сокрушит ее врагов. В общем, русские могут расслабиться, не надо беспокоиться: все кончится хорошо, писатель-пророк гарантирует happy end.

И тут некстати — а может, как раз и кстати — процитирую вам некоего путешественника, который посетил Китай в обществе ВГ:

— Подлетая к этому городу, Валентин Распутин мне говорит: «Ну, Харбин — это провинциальный город, там, кроме русского кладбища, нет ничего интересного». И вдруг мы видим город небоскребов, город строек, город производств, где одних только автомобильных развязок не сосчитать. Даже такому провинциальному городу, как Харбин, Лужков может позавидовать. Я тогда спросил у Распутина: «Валя, неужели твой Иркутск, который практически не развивается уже лет 50, можно сравнить с Харбином?», а он только грустно покачал головой.

ВГ как человек мудрый ничего не стал по этому поводу говорить. А что тут скажешь. Кто мешал китайцам следовать глупым советам, преклоняться перед Западом, снимать шляпу перед мусульманами, выкидывать на помойку свои традиции, пить с утра, плевать на историю, жаловаться и ныть. Нечего русским радикал-патриотам сказать про Китай, к примеру.

Когда я подумал об этом, мне стало не так досадно, оттого что он молчал целых 15 лет, с начала перестройки.

А иные грешные столько за это время понаписали и наговорили глупостей.

Автор: Артур Скальский © Новая газета КУЛЬТУРА, 10158 29.07.2010, 11:13 582
URL: https://babr24.com/?ADE=87481 Bytes: 60469 / 60374 Версия для печати Скачать PDF

Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:
- *Телеграм*
- *ВКонтакте*

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур Скальский**.

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

Прислать свою новость

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

Подробнее о размещении

Отказ от ответственности

Правила перепечаток

Соглашение о франчайзинге

Что такое Бабр24

Вакансии

Статистика сайта

Архив

Календарь

Зеркала сайта